

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В. П. Булдаков,
П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Народ и власть в российской
смуте»: 3-я часть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Narod_i_vlast-3.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Круглый стол

Владимир БУЛДАКОВ, Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

3-я часть

начало в № 4, 5 за 2010 год

БУЛДАКОВ

Владимир
Прохорович –
д.и.н., старший
научный сотрудник
Института
российской истории
РАН
e-mail: kuroneko@
list.ru

МАРЧЕНЯ

Павел
Петрович –
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
философии
Московского
университета МВД
России, доцент
Учебно-научного
центра «Новая
Россия. История
постсоветской
России» РГГУ
e-mail: marchenyar@
mail.ru

РАЗИН

Сергей
Юрьевич –
старший
преподаватель
кафедры
общественных
наук Института
гуманитарного
образования и
информационных
технологий;
координатор
проекта «Народ и
власть
в российской смуте»
e-mail: razin_sergei@

В.П. Булдаков:

Я хотел бы повторить, что революции действительно предшествует некое гомоэнергетическое перенасыщение социального пространства. Но сегодня оно отсутствует. Более того, наблюдается полный упадок всяческих сил. Еще любопытный момент. Я как-то обратил внимание на то, что революциям или смутам предшествует некий дисбаланс – хотя бы локальный – между мужским и женским населением. Во всяком случае, в наших нынешних горячих точках (они же и прошлые, кстати сказать) это особенно заметно. Если взять Северный Кавказ, где в 1918 г. происходили процессы, весьма сходные с современными, то там мужское население странным образом превышает численность прекрасного пола. И такие явления мы до сих пор даже не пытаемся объяснить. И еще один момент. Давайте в нашей дискуссии избегать ближайших политических прогнозов. Лучше копать вглубь. Это полезнее.

А.И. Колганов:

Революция немыслима без определенного уровня массовой мобилизации и союза между частью элиты и массами и без разрыва между прежней элитой, прежней властью и массами. Прежде чем возникнет союз контрэлиты и масс, появляется разрыв между массами и властью, которая не решает проблем, затрагивающих насущные интересы тех или иных социальных групп и слоев. Для начала революций и смут характерна «слепота власти», которая в упор не видит насущных проблем.

Новая власть, которая утверждается в ходе смуты, всегда отличается от старой тем, что она в той или иной степени эти интересы учитывает и удовлетворяет. Для Смуты XVII в. оказалось достаточно простого восстановления порядка. Это удовлетворило интересы населения, поскольку велика была степень дезорганизации общества. В 1917 г. дело обстояло значительно сложнее. Преимущество большевистской власти по отношению к предшественникам заключалось в том, что некоторые интересы народа она удовлетворила. При этом большевики шли прямо против интересов другой части народа. Наибольшая сложность заключалась в том, что не были удовлетворены интересы крестьянства. С ним пришлось пойти на компромисс ради удержания власти. Компромисс этот в целом оказался устойчивым.

Я не совсем согласен с тем, что большевистская революция завершилась в середине 30-х гг. Она состояла из двух этапов. Можно даже говорить о двух революциях. Революция, которая начиналась в октябре 1917 г. и закончилась к началу 20-х гг., завершилась... незавершенностью. Та программа, с которой большевики шли на революцию, оказалась несостоятельной. Мировая революция не произошла. Поэтому встал вопрос о перемене вектора этой революции. После длительного периода внутривластной борьбы такая перемена произошла, и была совершена другая революция. Совсем не та, которую проектировали большевики в 1917 г. И вот эта но-

вая революция завершилась в середине 30-х гг. созданием устойчивой общественной системы.

Что касается нынешней революции, то здесь мы сталкиваемся с той же ситуацией, с которой в свое время столкнулись большевики. Эта революция смогла удовлетворить интересы только части населения. Другая часть осталась неудовлетворенной. И это делает революцию незавершенной. Правда, степень незавершенности этой революции не столь уж велика. На мой взгляд, сегодня нет оснований говорить о делегитимации нынешней власти в глазах населения. Население рассматривает нынешнюю власть как вполне легитимную и замены ее, в общем, не желает. Другое дело, что политический абсентеизм очень велик. Но говорить о том, что сохраняется отчетливо выраженный конфликтный потенциал, не приходится. Для его актуализации потребуются длительный период времени. Российское общество при нынешних условиях вполне может существовать лет 15–20–25. Да и вряд ли можно будет говорить об обострении конфликта до тех пор, пока не произойдет смена нынешнего поколения россиян. Лишь тогда его вероятность резко возрастет.

Нынешняя власть достаточно эффективна в сфере социального контроля. Но те мины замедленного действия, которые заложены в сегодняшней общественной системе, неизбежно приведут к социально-экономическому и политическому кризису, так как нет механизмов разрешения важнейших проблем. В самой власти заложены механизмы, блокирующие решение проблем. В ближайшее время можно ожидать дальнейшего падения конкурентоспособности российской экономики. А это неизбежно приведет к обострению социальных, а вместе с тем и политических проблем. Для того чтобы это не произошло, власть должна сама изменить себя. Что-то я такого рода явления в российской истории не наблюдаю. Поэтому вполне вероятно, что очередная смена власти опять-таки произойдет через смуту или революцию.

В.П. Булдаков:

Что я к этому могу добавить? Месяца два назад ко мне приходили брать интервью какие-то телевизионщики. Когда стали расходиться, один молодой человек неожиданно спросил: когда будет революция? Я ему ответил примерно то, что

сегодня уже было сказано. Он, кажется, ушел глубоко неудовлетворенным.

В.Л. Шейнис:

Развитие общества происходит в двух главных вариантах: эволюции и революции. Когда-то у нас господствовало представление, согласно которому революции – это праздники истории. Революции действительно случаются. Но случаются не по причине злокозненности каких-то заброшенных из-за границы агентов и т.д. Революции решают (или не решают) какие-то задачи.

Для общества, пережившего XX в., на мой взгляд, главный урок истории заключается в том, что путь эволюции предпочтительнее. Кстати сказать, целый ряд стран пошли именно путем эволюции. Классический пример – Англия. Она решила все основные проблемы, которые стояли перед ней, именно эволюционным путем.

Теперь позвольте два художественных образа. Первый образ. Студенческий спектакль в одном из ленинградских вузов. 1956 год. Занавес раздвигается, на сцене – стол. За столом сидят серьезные, почтенные люди в галстуках, неслышно ведут разговор. За кулисами нарастает шум. Люди, сидящие за столом, наконец-то реагируют на него. И кто-то из них предлагает: «Это непорядок. Надо запретить». Все единодушно голосуют «за». На сцену вбегают разномастная тусовка в легкой одежде, разгоняет этот президиум, разбрасывает столы и начинается спектакль. Признаюсь, мне тогда это очень нравилось. Нравился молодой задор, нравилась очевидная аллюзия, нравилось раздражение чиновников Смольного.

Но возникает вопрос – хорошо, а что дальше? Кем и как, с помощью каких процедур можно заменить сидящих в президиуме? Обратимся к известной брошюре Г. Уэллса «Россия во мгле». Принято считать, что английский фантаст «не понял» замыслов «кремлевского мечтателя». Но Уэллс как раз очень многое понял. С заседания Петроградского совета он вынес такое впечатление: «Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность». Из приведенных примеров напрашивается вывод о том, что всякий распад власти несет очень серьезные издержки.

Второй образ. Жюль Верн, «Пять недель на воздушном шаре». Путешественники

на воздушном шаре приближаются к финишу. За ними гонится какое-то дикое племя, и им нужно во что бы то ни стало перелететь через Сенегал. На противоположном берегу находятся французские колониальные посты. А шар снижается. Что делать? Принимается решение сбросить корзину. Ради спасения выбирать не приходится. Некомфортные условия путешествия — ненадолго. И стоит ли жалеть корзину, ее содержимое? В свое время одному из самых светлых, интеллигентных умов того периода П.Н. Милюкову стало жаль терять проливы. В его системе ценностей они были очень важны. И вот это непонимание ситуации, того, что пора «бросать корзину», его погубило (и не только его).

Здесь говорилось о том, что крестьянам после Февраля надо было дать землю. Да, надо было сделать то, что сделали большевики. В значительной степени ситуация была связана с неспособностью предыдущей элиты реализовать устремления крестьянства.

Заканчивая, хочу сказать, что ответственное меньшинство, ответственная элита должна понимать угрозу смуты. Я критичнее отношусь к тому, что дала Октябрьская революция, чем, скажем, Б.Ф. Славин, с которым мы уже лет двадцать спорим на эту тему. Но дело не в том, чтобы поставить оценку действующим лицам того периода, а в том, чтобы вынести из прошлого соответствующие уроки. А урок этот для интеллектуального меньшинства прост. Надо вовремя разъяснить людям, принимающим решения, что интерес всего общества заключается в декомпрессии авторитарного режима.

Колоссальная заслуга М.С. Горбачева, на мой взгляд, состояла в том, что он начал этот процесс и тем самым попытался перевести вектор развития на путь эволюции. Но, к сожалению, ему это не удалось сделать. Сегодня вектор развития России изменился в направлении реставрации авторитарных структур. И это плохо.

В.П. Булдаков:

Комментируя последнее выступление, хотел бы заметить: у нас сегодня непомерно идеализируют Столыпина. Между тем, все, что пришлось ему делать, было известно в конце XIX — начале XX в. Власть в известные периоды действительно слепнет, не видит совершенно очевидного. Я не один раз сравнивал наши предреволюционные реформы с реформами Мэйдзи

в Японии. В одном случае — системный подход к реформам, в другом — совершенно бессистемный. В Японии 80–90-х гг. XIX в. крестьяне были освобождены с землей, было введено всеобщее начальное образование, самураи отправились на государственную службу, в результате появился парламент. Конфликт разрешен, хотя жизненные проблемы Японии далеко не были решены. И то что сработали побочные результаты реформ (самураи, засевавшие в правительственных учреждениях, задали государственности тот милитаристский дух, который обернулся Перл-Харбором) не меняет этой оценки. Смешно сказать, но у нас проблемой всеобщего обучения занялись в годы Первой мировой войны и только благодаря тому, что граф Игнатъев был когда-то в хороших отношениях с императором. Большевики, кстати сказать, игнатъевскими наработками воспользовались.

С.С. Юрьев:

Одним из слагаемых любого системного кризиса является правовой нигилизм, пренебрежение возможностями права и нарушение существующих правовых норм. Обратившись к методологии такого известного автора, как П. Сорокин, приходится констатировать, что правовой нигилизм опосредует все стадии развития системного кризиса. Мы сегодня отмечаем такие признаки системного кризиса, как массовый характер ущемления инстинктов, бессилие групп порядка, бесхребетность власти и т.д.

С другой стороны, наблюдается явное нежелание, пренебрежение со стороны элит правовыми средствами решения конфликтов. При этом со стороны правящих верхов усиливаются нарушения юридических норм, в том числе путем вмешательства в правомерную деятельность правоохранительных органов. Сошлюсь на воспоминания бывшего первого заместителя председателя КГБ Ф. Бобкова, который писал, что высшие функционеры КПСС и республиканские элиты в последние годы существования СССР не только не стремились предотвратить развитие националистических настроений, но и зачастую потакали им, игнорируя соответствующую информацию органов безопасности. Политическим руководством страны не были использованы должным образом даже итоги референдума 1991 г. о сохранении СССР.

П. Сорокин писал, что революционные эпохи просто поражают бездарностью власти и элит, не способных успешно выполнять свои функции. М.С. Горбачев в интервью газете «Таймс» сказал: «Что касается меня как политика, то я проиграл». Значит, как политический руководитель он не использовал всю силу права и правоохранительных органов для необходимого торможения деструктивных процессов.

Недавно Институт социологии РАН провел исследование, в ходе которого было установлено, что тезис о том, что всегда необходимо соблюдать закон, поддерживают лишь 25,8% граждан. Среди государственных служащих в целом этот показатель составлял 58%. На мой взгляд, правовой нигилизм является благодатной почвой для циклической повторяемости российских смут и революций.

В.П. Булдаков:

Мне кажется, что вопрос о правовом нигилизме — это часть более общей проблемы стыковки обычного и формального права. В России она так и не состоялась. В этом смысле Россия остается традиционным обществом. Пример Веры Засулич всем хорошо известен, и в общем эта ситуация до сих пор сохраняется. Всеобщего уважения к формальному принципу «*dura lex, sed lex*» до сих пор нет.

С.В. Ткаченко:

Современная российская правовая система была создана в 90-е гг. с помощью полномасштабной рецепции западного права. Конституция РФ 1993 г. стала его своеобразной хартией. Правовые реформы 90-х гг. были проведены под лозунгами модернизации российского права. Однако действительную модернизацию характеризуют следующие условия: краткосрочность преобразований, их эффективность, наконец, устойчивость. Модернизация правовой системы должна не только учитывать, но и выражать правовые настроения населения.

В России в 90-е гг. вместо реальной модернизации для упрочения положения власти была использована декоративная модель рецепции права. В результате этого в очередной раз в российской истории возникла ситуация правового дуализма, когда «верхи» и основная масса населения живут в разных правовых пространствах. Порождением данной ситуации стало возрождение и активное использование нашей элитой мифа о так называемом

«правовом нигилизме» основной массы населения России.

В результате декоративной рецепции закономерно рождаются своеобразные политико-правовые уродцы, такие как президентская монархия, управляемая демократия и т.д. Особо стоит отметить институт выборов, который, по сути дела, превращен нынешней властью во внешне демократичный обряд сохранения власти.

В настоящее время власть вызывает к обществу для некоего диалога по изменению идеологии государства. Но в нынешней ситуации эти призывы так и останутся призывами. Сегодня настоящий диалог между властью и обществом невозможен, так как население понимает, что его игнорируют и не рассматривают в качестве подлинного субъекта политической жизни.

О.Г. Буховец:

Пафос прозвучавших выступлений подтолкнул меня к тому, чтобы отойти от прежнего плана выступления. Виктор Леонидович Шейнис подверг сомнению тезис о том, что распад СССР был величайшей геополитической катастрофой XX в. По его мнению, малое количество жертв уже позволяет в этом усомниться. Около 150 тыс. жертв — в ходе гражданской войны в Таджикистане. Грузино-абхазская война — примерно 20 тыс. жертв. Эту статистику можно продолжить. По переписи 1989 г. в Чечено-Ингушетии проживало около 15 тыс. украинцев. Где они сегодня?

Мне хотелось бы сказать несколько слов о судьбе белорусского этноса в XX в. Белорусский этнос в результате Гражданской войны оказался разделенным на три части. По итогам советско-польской войны к Польше отошли земли Западной Белоруссии, которые населяли 4,5 млн белорусов. В начале польской оккупации на этой территории существовало 400 белорусских школ. В 1939 г. здесь была закрыта последняя белорусская школа. Из 500 православных церквей, которые существовали на момент начала советско-польской войны, к 1924 г. осталось 195. Параллельно происходило насаждение костелов.

Политику польского государства можно охарактеризовать теми словами, которые в свое время были адресованы Бурбонам, — ничего не забыли, ничему не научились. Еще в 1901 г. на польских территориях, входивших в состав Германской империи, было запрещено даже богослужение на польском языке. Тем не менее польское

государство использовало те же ассимиляторские технологии.

Если говорить о восточных районах Белоруссии, то там сложилась следующая ситуация. Согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г., в 3 уездах Витебской губернии – Вележском, Себежском и Невельском, которые были переданы в свое время большевиками в состав Псковской губернии, более 73% населения назвали своим родным языком белорусский. По переписи 1926 г. в качестве родного языка назвали белорусский язык лишь 0,2% населения. Этнос растворился, как кусок сахара в стакане горячей воды. При этом нет никаких данных, подтверждающих жесткий обрусительский прессинг. Свою роль, безусловно, сыграла минимальная культурно-лингвистическая дистанция. Факт перехода белорусских уездов в состав РСФСР начальством трактовался просто: теперь здесь все русские. А между тем, в БССР тогда почти 81% населения заявили о своей белорусской идентичности.

Теперь о современности. Сравнение данных последней советской и первой постсоветской переписи показывает кардинальное изменение численности основных этнических групп в Белоруссии, за исключением белорусов. Их численность сокращается. Численность белорусов увеличивается. В эти годы становится престижным считать себя частью титульного, белорусского этноса. Т.е. происходит перенационализация.

А.А. Ильюхов:

Я хочу вернуться к вопросу о предпосылках смуты 1917 г. Стоит, на мой взгляд, задаться следующими вопросами: кто создал условия, при которых крестьяне самой большой страны в мире страдали от малоземелья? Почему происходила стагнация сельского хозяйства? Почему столь велик разрыв между бедными и богатыми? Почему Россия была самой неграмотной страной в Европе? Почему в стране, где утвердились капиталистические отношения, сохранялась социальная структура феодального общества? Почему невысокое материальное положение большинства населения в годы Первой мировой войны стало просто катастрофическим? Список можно продолжить.

Пытаясь ответить на эти вопросы, вольно или невольно приходишь к выводу, что смута была результатом коллективного

творчества верхов российского общества. Каждый привилегированный класс внес свой вклад в этот процесс. И буржуазия, и дворянство, и чиновничество. Власть не додумалась до понимания необходимости проведения таких реформ, проведение которых всерьез и надолго смогло бы обеспечить социальный мир и позволило бы стране избежать социальных катаклизмов. П.А. Столыпин пытался создать некоторое подобие среднего класса, состоящего из «богатых и сильных» крестьян, но его замыслам не суждено было реализоваться. В условиях, когда политическое руководство не желало никаких перемен, не видело надвигающейся катастрофы, глубокие социально-экономические реформы вряд ли были возможны. Косность правящей элиты и была главной причиной революционного взрыва.

Нынешняя ситуация, конечно, отличается от того, что было в начале прошлого века. Но, вглядываясь в нашу действительность, мы увидим слишком много общего. Конечно, столетие назад народ не видел в телевизоре мудрых правителей, которые заботятся о его благе. Наш современник видит эту заботу, когда зарплату вроде бы повышают, однако жить ему все труднее.

Сегодня любому человеку непонятно, как какой-нибудь олигарх за 5–8 лет сколотил фантастическое состояние, а у него же уверенности в завтрашнем дне нет. У его детей – тоже. 2/3 населения – бедные. Так кто же готовит революцию, создает горячий материал смуты, кто доводит население до того, что оно перекрывает дороги, объявляет голодовки? Ведь это акции отчаяния. Так кто же готовит революцию? Благополучных людей на бунт поднять невозможно. Если нынешний господствующий класс не осознает того, к чему могут привести его антинародные действия, то нам грозит эта очередная российская смута.

В заключение – два слова о дефинициях «смута» и «революция». Я бы все-таки их разделил. В моем представлении смута – это нечто стихийное, спонтанное. Революция – нечто более осознанное.

В.П. Булдаков:

Спасибо, могу добавить по поводу олигархов. В период Смуты начала XVII в. те люди, в руках которых был хлеб, развили жуткую спекуляцию. Люди умирали от голода, а они запасы хлеба припрятывали.

А.А. Ильюхов:

В 1916–1917 г. было то же самое.